

Народные мемуары

Татьяна ГЛОВАЦКАЯ

ЖИЗНЬ В ОЖИДАНИИ ЖИЗНИ¹

Колхоз

После летнего отдыха я пришла в ОКБ электровакуумного завода в группу тонких пленок, начальником которой был Юрий Иванович Полещук. Группа небольшая, буквально несколько человек, а работа — сплошной поиск и эксперименты, в которых мне предстояло участвовать. В первый рабочий день Юрий Иванович подсел ко мне и доверительным голосом сказал, что работать я начну позже, а сейчас нужно поехать в деревню Долгово Тогучинского района и сменить там нашего сотрудника Мишу Климова. И пошла я домой собирать вещи. Конечно, это было неожиданно, но куда деваться...

Хотя стоял теплый сентябрь, надо было брать с собой резиновые сапоги, куртку теплую, свитера. Дорога длинная — электричка до Тогучина 2,5 часа, автобус до деревни, и я на месте. Миша не скрывал радости и быстро уехал домой. А для меня началась интересная и трудная колхозная жизнь.

Наши люди жили в доме с двумя входами. С одной стороны жили девчонки, а с другой — три взрослых мужика из мехцеха, а с ними какая-то деваха. Там же в отдельной комнатке жили мальчишки, с которыми мы общались. С остальными встречались только в столовой. Забор разделял двор на две части.

В нашей части двора — огромная собачья конура, в которой почему-то жила гигантская свинья с поросятами. Чья она, нам было неизвестно.

У нас было две комнаты друг за другом. В первой комнате стояла настоящая печь, которую топил дежурный, на печке мы сушили вещи и грели воду, чтобы помыться после работы. Во второй комнате — раскладушки. Мне выдали матрасовку и показали, где сено, которым я набила эту штуку, — получился матрас. Девчонок было много. Вера с Валея вызвались работать поварами. Рядом с домом стояла хибарка с плитой, там они готовили еду и там же мы ели утром и вечером. Длинный стол,

¹ Окончание. Начало в № 2/2024.

лавки с двух сторон, алюминиевые миски и ложки, тусклая лампочка свисала с потолка на длинном шнуре.

Вот первый день моей работы. Мы убирали кукурузу на силос. Нас привезли на поле, по которому шел комбайн. Из него торчала труба, на конце которой как гибкое продолжение висел брезент. Он нависал над кузовом идущей рядом грузовой машины. Из него вылетала кукуруза, разрубленная на кусочки длиной примерно 5 см. Поток с силой бил в пол кузова. Высота бортов машины увеличена примерно в 2,5 раза прибитыми досками. Двигаться комбайн и машина должны были параллельно, чтобы не потерять силос. А наша задача — стоять в кузове с вилами в руках и топтать падающую рыхлую массу. С наполненной выше бортов машины мы прыгивали, она уходила с поля в весовую, а мы ждали следующую.

Самое трудное — залезть на эту машину. Встать на колесо, зацепиться за верхнюю доску, потом подтянуться на этом заборе и перевалиться внутрь. Сначала это было легко, я была высокой и мало весила. После погрузки первой машины вся одежда на мне промокла, стала сладкой и прилипла к телу, а одеты мы были легко — трико, футболка, на голове косынка. Мокрой на ветру стоять не очень приятно, и хотя осень была теплой, все-таки это не лето. И можно было запросто застудиться, что и случилось со мной впоследствии.

Я попала на машину с Галкой, так мы в тандеме и работали. Мне почему-то казалось, что, если наполненная с верхом машина дернется, я упаду с нее через задний борт, поэтому выбрала место у кабины шофера, мне там было не так страшно, а Галка стояла у заднего борта, ей почему-то было страшнее у кабины.

Вот мы влезаем в кузов пустой машины, комбайн стоит рядом, мотор ревет, но кукуруза еще не выскакивает. Начало движения машины и комбайна в первый момент не синхронно, поэтому мы не знаем, где встать, чтобы спрятаться от первых ударов. Поток силоса вылетает из ворота со страшной силой! Куски стеблей кукурузы бьют по ногам, по животу, от резких ударов мы всегда были в синяках. Но потом начинается параллельное движение, мы понимаем, где стоять, и начинаем растаскивать силос вилами, топча его сапогами. Машина и комбайн едут, кузов постепенно наполняется, мы оказываемся все выше и выше, и вот стоим на самом верху. До земли очень высоко. Борта уже не защищают. Страшно, мокро, больно, смешно — всё вместе.

Иногда между машинами образовывался большой временной промежуток, ждать приходилось долго. Как потом выяснилось, колхозники в это время занимались своими делами на личных огородах, ведь им тоже надо было заготавливать себе и сено, и силос. А мы за это время обсыхали и примерзали.

Приходим домой после работы, страшно смотреть на нас! Мы все зеленые от кукурузы, трико стоит колом, ноги в сапогах мокрые. К нашему возвращению дежурный нагревал воду, мы начинали мыться, сушить сапоги. А завтра этот ужас надо надевать снова.

Вера, очень боевая девица, была у нас старостой. Она выбивала нам авансы от колхоза в размере трех рублей, которые мы тут же тратили в магазине на конфеты «дунькина радость», засохшие пряники, а парни на сигареты и дешевое вино «Гиссар», «Солнцедар».

И вот Вера поругалась с бригадиром и обязала его достать спецодежду. Выдали нам огромные солдатские штаны из кирзы. Стали мы примерять их, боже! Они огромные, достают до подмышек, тяжелые. Кто как исхитрялся закрепить их на себе. Пришивали помочи через плечо, завязывали веревками на поясе. Конечно, эти штаны тоже намокали, но не так быстро. Правда, подвижность уменьшилась, стало трудно влезать на машину, а спрыгивать вообще невозможно, приходилось просто сваливаться вниз. А дома позеленевшие и засохшие штаны стояли на полу! Силос же сладкий, сахар застывал.

Однажды утром случилось страшное. Один мой сапог ночью упал на печку с заслонки и расплавился. Я осталась в кедах. Пошла в местный магазин и купила себе кирзовые сапоги, но размер был 39, других не было, а ношу я 36-й. Ноги в них не промокали, но стало так трудно лазить туда-сюда! Пошла на почту, позвонила в город маме на работу и попросила ее купить и прислать мне кирзовые сапоги меньшего размера. Через пару дней я получила от мамы посылку! Что это была за прелесть! Мой размер, тонкая кожа, такие ладные! И на силосную работу в них я не ходила, а надевала вечером, когда шли на ужин, в кино или на танцы.

Однажды случилось вот что. Машина была уже полна, мы на самой вершине, которая еще не растоптана в плоскость, а силос падал и образывал в центре холмик. Мы обе пытались растаскивать его в стороны. Одно неловкое движение — и ворот сбивает меня с ног! Я вместе с вилами падаю на спину на склон силосного холма параллельно левому борту машины ногами к кабине. Шофер этого не видит, так как силос выше кабины. Галка кричит из всех сил, ее не слышно. Я лежу, боясь свалиться, и только слабым движением ладони смахиваю кукурузу с лица. А сама чувствую, что медленно съезжаю вниз, к земле. В это время по полю ехал пастух на коне, вокруг него брели коровы, доедая остатки кукурузы. Он видел все происходящее, понял, что я сейчас упаду. Пришпорил лошадь и с матами поскакал к кабине шофера, размахивая кнутом.

— Что ж ты, мать твою, девку сейчас угробишь!

Шофер услышал и резко затормозил. От толчка я плавно свалилась вниз в том же положении, что и лежала на силосе, то есть параллельно земле. Меня спасли штаны и сапоги, они были так тяжелы, что развернули меня, и я приземлилась на ноги. Вилы из рук не выпустила, и они воткнулись рядом со мной. Почему-то было смешно. Да и сейчас пишу и улыбаюсь.

Голод

Кормили нас на заработанные нами деньги. Выделяли какие-то продукты, девчонки-повара готовили. Но мы все время были голодными, я это помню. Все-таки работа была физическая, и организм

все время хотел есть. Во время ужина нам привозили с фермы флягу молока. А один раз было так. Привезли молоко, разлили по кружкам, но я удивилась, почему цвет молока какой-то синеватый, а сверху — пена? Над столом была очень тусклая лампочка, не все разглядели напиток, кое-кто уже выпил его. Вдруг слышим, телега тарыхтит обратно. Возчик входит и говорит, что он спутал фляги и вместо молока отдал нам флягу с обратом. Почему-то это слово мне жутко не понравилось. Я подумала, что это чуть ли не помои. Оказалось, что этим поят телят.

И вот однажды милая тихая девочка Люда схватила меня за руку и говорит:

— Пойдем, что-то покажу!

И тянет меня во двор к конуре с поросятами. Надо вам сказать, что все поросята по размеру были одинаковыми, а один — очень маленький, с котенка, просто игрушка. Подходим к конуре, заглядываем, а там свиньи нет, одни поросята. Люда мне и говорит:

— Возьмем самого маленького и съедим его!

При этом глаза у нее горят, она не шутит! Да, голод не тетка! Но поросенок остался жив, мы его пожалели.

Лошадь

Однажды нас с Колей из мехцеха послали с ответственным заданием: отвезти в поле какие-то фляги. Для этого нужно было запрячь лошадь в телегу. Мы пришли на хоздвор, причем ни я, ни он не умели этого. Но кому это было интересно? Лошадь нам в телегу запрягли, фляги погрузили, дорогу указали, мы сели, Коля взял вожжи в руки и весело сказал:

— Но-о!

И лошадь пошла.

Сначала дорога пересекла поле, потом свернула в лес. В дороге Коля пел мне новую песню Ободзинского «Эти глаза напротив», а я запоминала, чтобы вечером попеть. В результате за этим занятием мы не заметили, что уже не едем — телега стоит. Лошадь элегантно подняла по очереди все четыре ноги, вышла из упавших палок и стала мирно щипать травку. Мы не сразу поняли, что это — конец. Во-первых, мы оба лошадей боялись в принципе, а во-вторых, как поставить ее обратно и прикрепить к телеге? Сначала Коля пытался взять лошадь за гриву и тянуть ее, но она только махнула головой и продолжала свое мирное дело. Мы впали в уныние. Теперь нас никто не найдет, придется бросать телегу и тащиться обратно пешком, а как будут ругаться и ржать над нами колхозники!

И вдруг пришло спасение. Из зарослей внезапно вышел деревенский мужик в длинном плаще с корзиной грибов. Он увидел нас, посмотрел на лошадь и спросил:

— А что это вы тут, мать вашу, делаете? Вас же ждут!

Мы ответили, что не знаем, как вернуть лошадь обратно.

— Чему вас только там, в городе, папка с мамкой учат? Ничего не умеете!

Он подошел к лошади, как-то справно взял ее за нужное место и повернул. Лошадь стала быстро пятиться назад и оказалась между оглоблями, лежащими на земле. (Я уже потом узнала, что палки, идущие от телеги к лошади, — это оглобли.) Он крикнул Коле, чтобы тот ему помог, оглобли подняли, закрепили. И все это с такими матами, что мой словарный запас сильно пополнился. Мы уселись на телегу, а мужик хлестанул лошадь по заднице, поддал еще матюками и бросил Коле вожжи. Лошадь понесла — слава богу, в нужном направлении.

Ток

Кроме уборки силоса нас еще посылали на ток — это место, куда ссыпают зерно. Ток был окружен забором из тонких прутьев, переплетенных довольно тесно. На земле лежало зерно, его было еще немного. Основная опасность — гуси, которые лезли сквозь дыры в заборе, чтобы на халяву покормиться. Главное — они там гадили на землю, и нужно было гонять врагов, проникших на охраняемую территорию, а следы их деятельности собирать и выбрасывать за забор. Вот так целый день какая-нибудь девчонка из наших бегала вдоль забора с веником и совком. И кстати, за день ей начисляли больше трудодней, чем нам на топтании силоса.

Запомнился погожий день. Работы не было, мы ждали машины, сидели около небольшого стожка. Солнце светило так ласково, полетному, хотелось просто лежать и не двигаться. Так все и сделали — легли головами на сено, ноги на траве. Тихо, тепло, хорошо... Сначала переговаривались, пробовали петь, но постепенно стали засыпать. Я лежала рядом с кем-то из девчонок, разговор зашел про оперу Чайковского «Евгений Онегин», которую знаю практически наизусть. Соседка не поверила, тогда я сказала, что могу спеть всю последнюю сцену Татьяны и Онегина — обе партии. И начала петь. Слушали меня или спали, не знаю. Так и запомнилось — осеннее солнце, мягкое сено, запах травы, покой и музыка...

Рядом с нашим домом, кроме столовой, был клуб, старый, страшный, в котором показывали кино и даже случались танцы. Приходили деревенские, они задирались, и однажды случилась драка между ними и нашими, городскими.

Если проходил минимальный дождь, то улица вдоль дома делалась просто невозможной для перехода. Глубокая жирная коричневая грязь засасывала сапоги выше щиколотки. Вот такая была земля в деревне Долгово.

Приближался конец моей ссылки. Очень хотелось домой. Несколько человек уже могли уезжать, и я в том числе. Мы пошли в контору за справками о работе и за расчетом. И тут оказалось, что мы не только ничего не заработали, но некоторые остались должны колхозу! Нам

выдавали несколько раз авансы, потом вычли еще и за еду. Слава богу, я не была должна, но и не получила ничего.

Картошка

Я приехала домой и сразу постирала всю одежду. Стояла осень, отопления в доме еще не было. Свитера, брюки, куртка — все висело и не сохло. На следующий день пошла на работу. Пришла и сильно удивилась, что коридоры ОКБ пусты, в нашей 309-й комнате вообще никого нет. Пришел Юрий Иванович, опять подсел ко мне и, как бы извиняясь, сказал, что все — на уборке картошки, и мне надо завтра тоже туда отправиться. Я пыталась сказать, что мне не в чем ехать, все мокрое, но, увы, надо было выкручиваться. Пошла к двоюродной сестре Кате, и она выделила мне какую-то одежду.

Вообще описывать ежегодные картофельные баталии нет желания. От этой работы остались одни нецензурные слова. Практически каждый год в это время была плохая мокрая или даже снежная погода, но ехать было надо. Как только народ не пытался от этой каторги отвертеться! И справки, и болезни, и бог знает что! Тяжелая, не женская работа! Самое противное, что начальниками отделов всегда были мужчины, они только руководили, а сами не работали. Не хочу вспоминать про эту каторгу.

Но если выпадала редкая теплая осенняя погода, то жизнь казалось не такой уж и тяжелой.

У каждого отдела был костровой, который варил обед. Обычно это была какая-нибудь пожилая коллега. У нас бессменным костровым была Галина Сергеевна Лукашевич. Она прекрасно готовила. Мы скидывались на мясо, картошка — с поля. Мужики и все желающие выпивали.

Вспоминается только один момент — как на мне выносили с завода через проходную фляжку со спиртом. У меня была серая курточка с напуском, на широком поясе на бедрах, сама шила. И вот мне к спине привязали эту фляжку, а под этим напуском ничего не было видно.

Однако в первый год моей работы в ОКБ погода была отвратная, внезапно пошел снег — мокрый, липкий. Все были в куртках и плащах, присели на ведра, и снег сразу превратил каждого в огромный сугроб. Ноги в резиновых сапогах облеплены грязью, передвигаться трудно. Господи, за что мы страдали? А весной и летом — посылали еще на пикировку и прополку капусты, будь она неладна.

А после картошки — рубка капусты. Это вообще ужас. Уже лежит снег, холодно, мокро, накануне нам всем выдавали пленку, из которой каждый сооружал себе нарукавники и огромные фартуки. К капусте надо подойти, срубить ее заточенной лопатой — это делали мужчины и шли вперед. А женщины должны были каждый вилок поднять, донести его до кучи и осторожно положить, стараясь не повредить. Как нарочно, вилки были всегда огромными. После дня такой работы у меня отказывали руки от нагрузки. На следующий день невозможно было застегнуть пуговицу, раздеться, поднять руки, причесаться и т. д.

Но были интересные поездки, например, пару раз летом нас направляли на сбор смородины, черноплодки и облепихи. Это было уже вкусно! Но я пострадала на сборе облепихи. В совхозе была очень колючая облепиха. На следующий день я пришла на работу, а вся тыльная сторона ладоней в колючках, причем их не видно, но больно и мешают. И вот коллега, дай бог ему здоровья, включил рабочий стол, на котором обычно при хорошем освещении мы готовили образцы, и лично вынул пинцетом все мои колючки, глядя в микроскоп. Но самое главное, ни одна ранка не загноилась, ведь облепиха — лечебная ягода.

Начало работы

Но вот закончилась уборочная, все вышли на работу. Мы с коллегами работали в кабинете № 309, в котором было две комнаты: одна — для нашей группы, другая — для отдела керамики. Я сидела вместе с Верой Балахоновой, Наташей Зелепухиной, Виктором Коробовым, Мишей Климовым, Гришей Забилой. Вера имела виды на Коробова, я — нет, и мы с ней вместе подшучивали над ним: то нальем ему в обувь одеколон, то подложим деток от кактуса.

Вскоре Полещук принял в нашу маленькую группу пожилую даму, химика по специальности, Софью Матвеевну. Мы немножко посмеивались между собой над ее старомодностью, однако она запомнилась вот чем. Все мы были молоды, называли друг друга просто по именам: Миша, Наташа, Таня. Софья Матвеевна услышала это и сказала:

— Это неправильно! Привыкайте называть друг друга по именам с отчеством! И пусть это не кажется вам смешным. Вы только представьте себе: вам исполнилось 50 лет, а какой-то молодой специалист скажет вам: «Ну-ка, Таня, сделай то-то и то-то!» Как вы себя будете чувствовать?

И мы задумались. Не сразу, но постепенно начали в разговорах на совещаниях называть друг друга именно так. Потом никто уже Таней меня не называл, правда, для быстроты называли просто Борисовной. И мне это нравилось. Спасибо, Софья Матвеевна, за урок!

Помню собрание молодых специалистов в конференц-зале с участием руководства. Тогда начальником ОКБ был Валентин Макарович Браславец. Про него ходили легенды, что он такой строгий, что и не строгий даже, а просто ужасный. Он и правда выглядел страшновато — высокий, мрачный, с косматыми бровями. Когда он входил в какой-нибудь кабинет, все цепенели. Нельзя было останавливаться в коридоре, чтобы с кем-то поболтать. Для разговора нужно было зайти в ближайший кабинет и разговаривать там. Короче, больше двух не собираться. Но все это я узнала позднее. А на том собрании я сидела сзади и все время задавала вопросы, а когда вставала, весь зал на меня оборачивался и смотрел с изумлением. Фамилию Браславца я уже слышала, но в лицо не знала. Мне кто-то отвечал из президиума — раз, другой, третий. Вот собрание закончилось, у выхода из зала мне кто-то говорит:

— Ну ты смелая! С самим Браславцем спорила!

— Как с Браславцем?

Тут ноженьки у меня и подкосились. Потом я тоже стала от него шарахаться.

Когда шла проверка техники безопасности во главе с Браславцем, это было страшно! Все всё прятали, бутылки с неизрасходованным спиртом убирали внутрь напылительных установок, чайные принадлежности складывали в ящики от приборов. Но он все равно находил что-нибудь запрещенное.

Про работу писать не хочу. Скажу одно — мне больше нравилось заниматься самодеятельностью.

Мы со Светой Шоколо, Геной Воинцевым и Любой Проскуряковой уже пели в ансамбле, нам сшили из темно-синего вельвета брюки и пиджачки, как у битлов, мы удачно выступали и даже прошли на городской смотр, но нам поставили условие — сменить костюмы: вместо брюк надеть юбки. Мы отказались и на смотр не попали. А пели мы хорошо.

Брючные костюмы тогда носили единицы. Одной из таких единиц была я — сшила в ателье брючный костюм из клетчатого драпа, но ходить в нем стеснялась, потому что в мою сторону сворачивали головы все, кто шел навстречу. А по коридору ОКБ я осмеливалась пройти только от нашего кабинета до соседнего — в это трудно сейчас поверить, теперь женщина без брюк не представляет своего гардероба!

Шушенское

В декабре 1969 года к столетию со дня рождения Ленина было принято решение: организовать лыжный агитпоход по ленинским местам в Шушенское, где Ленин отбывал ссылку. Инициатором стал заводской музей.

Собрали бригаду из девяти человек — шестеро парней и три девочки — я, Галка и Света. Наш вокальный руководитель, комсомольский секретарь ОКБ Люба, в поход не пошла, она готовилась к конкурсу и берегла голос.

Все участники должны были быть хорошими лыжниками, а мы с Галкой таковыми не являлись. Но мы были артистами, поэтому нас взяли.

Командиром назначили Бориса Арефьева. Борис был опытным туристом, он обладал огромной физической силой, выносливостью и опытом, в чем мы не раз убеждались.

Володя Комиссаров был фотокорреспондентом. После похода мы выпустили в ОКБ огромную стенгазету с его фотографиями, а каждый участник получил весь набор снимков, за это мы все благодарны Володе, за его титанический труд.

Итак, стояла зима. Собираться опытным туристам было просто, у них амуниции хватало. Я же собирала все вещи по друзьям. Шапочку вязаную дала Люда, пуховку — Володя, спелеолог, с которым я дружила. Рюкзак тоже кто-то дал. Деньги на билеты, на продукты выделил завод. Лыжи у кого свои, у меня — с заводской лыжной базы. Простые холодные ботинки, как тогда были у всех.

Мама меня всячески отговаривала, какой из меня турист? Да еще на лыжах! Но кто кого слушал! В рюкзаке у меня был костюм вельветовый для выступлений, бигуди, что-то из одежды.

Весь наш путь был организован заводским комсомолом, везде была договоренность, кто, где встречается отряд, провожает и направляет.

Пункт назначения — Абакан, туда мы прилетели под вечер и пошли в гостиницу. Номера для нас должны были освободиться через пару часов. Оставили рюкзаки, лыжи и пошли гулять по тихому городку. Всем весело, погода отличная, градусов десять, пушистый снег. Недалеко от гостиницы была такая аллея, как у нас на Красном. Слева и справа вдоль аллеи стояли скамейки, на каждой — огромный пушистый сугроб. Мы с девчонками идем впереди, парни сзади, разговариваем, смеемся. Вдруг на нас набегают ребята, хватают каждую с одной стороны за руку и ногу, и с другой стороны так же — мы повисаем параллельно земле. И как мы ни визжали, но вырваться не удавалось. Летим, ребята бегут вперед, подбегают к скамейкам с сугробами и быстро протаскивают нас вдоль сидений так, что мы головами, лицом и всем туловищем счищаем снег! А ребята орут:

— Теперь вы у нас — нюхательные собачки!

И так нами сшибают снег со всех скамеек! Мы в снегу, все хохочут!

Нагулялись, вернулись в гостиницу мокрые, всклокоченные. Поужинали сухим пайком. А потом долго пели.

Утром пошли на рейсовый автобус до Шушенского. Обыкновенный маленький пазик, но в него садилось столько людей, что мы не верили, как с такими большими рюкзаками и лыжами сможем в него попасть. Однако влезли и даже сидели. Уже не помню, кто придумал эту шутку, но на какую-то проволочку привязали длинную узкую красную ленточку и по очереди прицепляли друг другу на спину или шапку. Вокруг начинали хохотать, человек ничего не понимал, вертел головой, не сразу, но замечал, отцеплял и ожидал, пока очередная жертва расслабится и позволит подшутить над собой. Все это беззлобно, и хохотали мы непрерывно.

Приехали в Шушенское, идем в гостиницу. Первым в дверь вошел командир и нарочно бросил свой рюкзак на пол прямо в проеме двери. Я перелезла через него, а ребята подходили и с возмущением пытались поднять и передвинуть рюкзак, но сдвинуть его с места не могли. Говорили:

— Ого! Вот это да!

А командир смотрел со стороны и посмеивался. Его рюкзак весил очень много. А когда девчонки сильно уставали, то Борис брал рюкзак у кого-то из нас и надевал его на грудь, а на спине — неподъемный свой. И шел дальше.

Вечером я была дежурной по еде. Моей задачей было разделить хлеб и сыр на девять частей — по числу людей. Я сидела в сторонке и делала на длинном куске сыра риски. Первая риска на половине куска, две вторых делили обе части еще раз пополам, получалось четыре, потом каждую часть еще раз надвое. И все время получалось четное

количество. Уже весь сыр был в зарубках, но частей все время было десять. Все занимались своими делами, укладывали вещи, распределяли продукты по рюкзакам. Никто не видел, как я мучаюсь. И тут ко мне подполз Генка и спросил, что я делаю. Все уже хотели есть. Я показала сыр с зарубками. И тут Генка мне шепчет:

— Дели на десять частей, лишнюю съедим, пока никто не видит!

Так я и сделала. Десятую часть я разрезала пополам, и каждый засунул свой кусок в рот. Только начали жевать, как раздался строгий голос командира:

— Что это вы делаете?

А мы и говорить не можем, так как рот полон сыра. Наша хитрость была замечена, и опять все хохотали.

Утром мы отправились в музей Ленина, фотографировались, Володя вел съемку, экскурсовод рассказывал про жизнь Ленина в ссылке.

Это была обязательная программа нашего агитпохода. Потом мы пошли к другому дому, где Ленин жил до приезда Крупской. Сам дом был закрыт, но перед окном на пьедестале стояла очередная статуя Ленина в полный рост с протянутой вперед рукой, причем на голове и на ладони были довольно объемистые сугробики. Забавно это было, но попробовали бы мы вслух над этим посмеяться! Снимать не стали.

В Шушенском построили такую старинную улицу, которая была в далекие времена. Для этого из окрестных деревень свозили старые дома. Там даже был кабак, на крыльце которого мы сфотографировались, изображая подвыпивших крестьян.

На окраине Шушенского наш отряд окончательно выстроился в цепочку, и поход начался. Впереди по целине шел командир, прокладывая дорогу, девочки шли в центре, замыкал цепь кто-то из ребят, они периодически менялись. Все были мастера бегать на лыжах, и без нас они бы не шли по лыжне, а неслись, несмотря на тяжелые рюкзаки. Но мы с Галкой бежать бы не смогли ни при каких обстоятельствах, даже если бы нас преследовали волки. Мы просто тупо шли, передвигая лыжи. А Света шла на лыжах наравне с ребятами.

Надо отметить, что на улице при любой минусовой температуре у меня из носа начинает выделяться жидкость. Ее нужно убирать платком. Что же происходило? Я останавливалась, при этом передние уходили вперед, а те, кто шел за мной, замедляли ход и останавливались. Итак, я втыкала палки в снег, освобождала руки из петель, снимала рукавички, доставала платочек, вытирала нос, затем все в обратном порядке — платочек прятала, рукавички надевала, вставляла руки в петли, брала палки и начинала движение. Меня никто не обгонял, так как нельзя было нарушать порядок движения. Я сделала это раз, другой, третий. Командир заметил, что цепочка лыжников прерывается и «хвост» застревает. Он рванул ко мне по снежной целине, и некоторое время шел со мной параллельно — я по лыжне, а он по снегу. Пронаблюдал всю эту процедуру и сказал:

— Так! Это надо прекратить! Делаешь вот так!

И показал следующее — не вынимая ладоней из петель, поднял руку с палкой, рукавицей зажал одну ноздрю и с резким звуком освободил половину носа, затем зажал другую ноздрю и сделал то же самое, после чего рукавицей вытер нос. И все это быстро, резко, не прекращая движения ногами и никого не задерживая. Я сказала, что нос после таких процедур покраснеет, а как потом на сцену? Он ответил, что вечером можно смазать нос кремом. Командир ушел вперед, а я с ужасом стала ждать приближения рокового момента, собираясь в точности повторить действия, так наглядно мне показанные.

В дороге мы отдыхали, при этом дежурный раздавал всем по кусочку колбасы или сыра и по карамельке для поддержания сил.

У Коробова под клапаном рюкзака торчали две пары наших с Галкой валенок, в которые мы переодевались на отдыхе. Следом за Виктором ехала запасная пара лыж, привязанная к рюкзаку веревкой. К счастью, поломок в походе не случилось. Коробов называл эту пару лыж Жучкой и просил дополнительную порцию сыра и конфет — для его Жучки.

Однажды мы с Галкой устали больше, чем обычно, и спросили проезжающего на санях мужичка, в какую деревню он едет. Оказалось, что в ту же, куда шел наш отряд. Мы спросили командира: нельзя ли бросить свои рюкзаки на сани, а самим идти налегке. Но Борис сказал, что отряд разбивать нельзя и придется тащиться с рюкзаками всем вместе. Мы приуныли и продолжили идти.

Во время движения по укатанной дороге стройный порядок следования нарушался, парни позволяли себе пробежаться, где-то скатиться с горки, но все были в пределах видимости. В какой-то момент мы с Галкой вдруг увидели, что наши товарищи лихо проезжают мимо нас с гиканьем и победными криками, зацепившись лыжными палками за очередные обгоняющие нас сани! При этом все свои рюкзаки они побросали на сани! В одно мгновение товарищи нас покинули! Мы очень обиделись, шли и говорили, что так нельзя, нам не разрешили, а сами уехали... Но, конечно, это были обиды несерьезные. Вскоре мы увидели, что нам навстречу идут Гена и Володя-фотограф. И уже вместе с ними мы пришли в клуб, где нам предстояло выступить и ночевать.

Я уже писала, что наш отряд по цепочке передавали из деревни в деревню. Обычно к нашему приходу готовили место выступления, ночевку, топили клуб. А зрителей привозили прямо к концерту. Но часто клуб протопить не успевали, в помещении было видно дыхание изо рта. Зрители сидели в телогрейках, валенках, над ними белый дым. А нам надо было переодеться в наши концертные костюмы, а ребятам раздеться до маек и трусов в миниатюрах. Но искусство требует жертв!

Перед концертами Коля делал политинформацию о текущем моменте в мире, и зрители внимательно слушали. Только ребятки бегали в пространстве между сценой и первым рядом. В то время такого засилья информации в глухих местах не было, поэтому все, что мы рассказывали и показывали, принималось на ура.

Обычно концерты вела я: объявляла номера и даже пела одна, без квартета. Прямо во время похода я решила, что могу спеть песню, которую услышала по радио, и она меня покорила.

Ох, не растет трава зимою,
Поливай — не поливай!
Ох, не вернуть любовь обратно,
Вспоминай — не вспоминай!
Любил он, забыл он,
Ко мне не идет,
Улыбок не дарит и писем не шлет.
И писем не шлет.
Уж я ли в этом виновата,
Или милый виноват,
Ох, не вернуть любовь обратно,
Не вернуть ее назад.

Вот сейчас поискала в интернете автора этих строк — Виктор Бовков. Спасибо ему!

Вышла я петь на ледяную сцену одна, без сопровождения гитары. Обхватила себя руками, чтобы хоть как-то унять дрожь, и вдруг слышу, как кто-то в зале сказал:

— Смотри, от страха трясется!

А это я от холода! Вообще в зале говорили вслух, запросто. И в конце концерта присылали записочки или просто кричали, что именно им понравилось и что повторить.

Очень смеялись над миниатюрами! Один раз зал так хохотал, глядя на ребят, что я вышла из образа ведущей и засмеялась вместе со всеми. В это время ребята показывали наш старый студенческий номер «Фонтан “Диана”». В трусах и майках ребята вставали каждый на одно колено, откидывали головы назад, брались за руки, образуя круг. В центре круга стоял Гена в майке, изображая кокетливую Диану. Все это я комментировала, стоя рядом. Потом я говорила:

— Детям до 16 лет смотреть воспрещается!

В это время Гена приспускал одну лямочку с плеча, а остальные одновременно выпускали на него изо рта струи специально припасенной воды. Это обычно вызывало восторг зрителей. Один раз кто-то из ребят поперхнулся, подавился, остальные проглотили воду, заржали, зрители тоже и я вместе с ними! И вот пара минут, все умирают со смеху — и зал, и артисты, а я просто сгибаюсь пополам от смеха!

Обычно после концерта включали музыку, в зале начинались пляски со зрителями. Обычно Галка танцевала цыганочку с выходом, ей хлопали, кто-нибудь из деревенских выходил с ней на круг — кто кого перепляшет. Все стояли кругом и хлопали. Потом женщины начинали уговаривать нашего командира, чтобы он отпустил девочек к ним ночевать — всех по разным избам. Но командир был строг — отряд не должен разбиваться.

Чаще всего мы ночевали либо на сцене, либо в каких-нибудь помещениях за сценой. Сначала ужинали, потом расстилали свои спальники,

укладывались, гасили свет, и тут началось какое-нибудь хулиганство. В полной темноте кто-нибудь кидал вверх и в сторону или меховую рукавицу, или толстый колючий носок — куда бог пошлет! Кому-то это попадало на лицо, начинались перебрасывания с взвизгиваниями.

Самое главное — за время похода никто ни разу не пил спиртное, никто ни с кем не поссорился.

В один из вечеров Галка почувствовала, что заболевает. А наутро надо было двигаться дальше. Ребята решили ее лечить. Развели спирт, затолкали больную в спальник и велели выпить лекарство залпом. Галка кричала, что лучше она умрет, чем будет пить эту гадость, но ее просто придавили и влили зелье в рот. Она еще что-то кричала, тогда молнию на спальнике застегнули до самого конца! Она вся оказалась внутри, лица не было видно. Она еще немного побарахталась и утихла.

Утром, когда все еще спали, я подползла к ее спальнику и тихо открыла молнию. Каково же было мое удивление, когда я не увидела ее лица! Только огромная кипа черных вьющихся волос! Оказалось, что она перевернулась на живот и спала носом вниз. Но проснулась она совершенно здоровой!

Конечно, нам с Галкой было труднее всех, мы же не были спортсменами. И чаще всего мы тащились в конце процессии. И вот однажды мы договорились с ней, что в очередной поход выйдем намного раньше всех. С пристрастием расспросили ребят, в какую сторону сейчас пойдём. Дорогу нам показали. Мы вышли из клуба сразу после завтрака и пошли в указанном направлении. Идем друг за другом и не устаем хвалить себя, что сейчас нам не надо торопиться и скоро нас все догонят, они же умеют бегать на лыжах! И вот мы идем, идем, довольные собой, и не слышим, что нам уже давно что-то кричат. Наконец мы услышали крики, оглянулись и пришли в ужас. Вся наша команда двигалась по полю совершенно в другом направлении, примерно под 45 градусов к траектории нашего движения! Ну надо же так осрамиться! Опять нас разыграли! Пришлось поворачивать и догонять своих. Конечно, над нами долго хохотали.

Запомнилась деревня Ермолаево. Комсомольский секретарь этой деревни поселил нас в доме своих родителей. Они встретили нас так приветливо, будто мы были их родными детьми. Выступить на сцене клуба нам предстояло на следующий день. Хозяева накрыли стол. Там я впервые в жизни попробовала соленые арбузы и полюбила это необычное блюдо. А еще пирожки с черникой и черемухой.

Ребята спали в одной комнате, мы с Галкой на хозяйской кровати — в другой. На стене яркий простой коврик.

Потом пришел сын хозяев и сказал нам, что концерта не будет, так как почему-то (не помню сейчас почему) людей с ферм не привезли. Хозяева расстроились ужасно, они же собирались с нами на концерт! И чтобы как-то отблагодарить их за вкусную еду, за радушный прием, мы решили прямо здесь, у них дома, сделать небольшой концерт только для них. Володя обещал их сфотографировать. Помню, как хозяйка зарделась от удовольствия, полезла в сундук и достала себе и хозяину

праздничную одежду. Платье было сильно помятым, но мы уверили ее, что все прекрасно. Они чинно сели, а мы пели для них. Никогда не забуду этого.

После этого наш путь лежал в сторону Саяно-Шушенской ГЭС.

Галка запомнила название поселка — Черемушки, а вот я почему-то нет. Ей запомнилась столовая в Черемушках с интересной деревянной архитектурой. И именно там мы случайно познакомились с двумя молодыми людьми, геологами, мужем и женой по фамилии Видунок. Они увидели туристов с рюкзаками, лыжами, гитарой, подошли к нам и позвали в свой маленький дом на берегу Енисея. Он был действительно крошечным. Поэтому мы все разместились на полу на своих рюкзаках... Видунки очень соскучились по новым людям, новым песням. Поэтому они включили магнитофон на запись, а мы начали петь. И пели мы всю ночь, никто не спал, да и не до сна было. Вот так и разбегались песни по свету.

Дальше мы добрались до Майны. В поселке Майна мы зашли в книжный магазин и закупили много книг. В нашем городе в то время хорошие книги были дефицитом. Особенно много было детских книг.

Совершенно не помню, где и как мы познакомились с диктором абаканского телевидения. Но она пригласила нас выступить с рассказом о нашем агитпоходе.

По какой-то причине само выступление не состоялось, не могу вспомнить почему. Галка утверждает, что мы все были охрипшими.

Как мы добирались от Майны до Абакана, тоже в памяти не задержалось. Зато хорошо помню возвращение домой на поезде. Сели мы в него вечером, а утром часов в одиннадцать должны были быть в Новосибирске.

Мы, конечно, попели в вагоне для народа, потом Володя нас всех фотографировал по очереди, усаживая напротив себя на боковой полке. Позже эти портреты украсили нашу газету.

Началась триумфальная неделя. Володя печатал фото, а мы делали газету. Сдали в музей камеру и фильм, дневник похода. Вскоре нас пригласили в музей на просмотр фильма. Боже, как мы орали и смеялись, глядя на себя на экране! Теперь уже нет в живых Коли Шабуневича, он ушел молодым, просто упал на улице и умер. Много позже умер Володя Комиссаров, он работал с СВЧ, и много ребят из этого отдела уже умерли. Умер мой муж, а тогда еще просто Витя Коробов.

Вот я пишу эти строки, разговариваю с Галкой по телефону, уточняю какие-то детали. И мы приходим к выводу, что этот поход могли совершить только совершенно безбашенные люди, которыми мы в то время являлись. Нам было 25—30 лет. Сейчас я с удивлением вспоминаю о своем решении пойти в такой лыжный поход — для меня это был подвиг.

Электричка

На нашем заводе с весны до осени все становились туристами.

К концу рабочего дня в четверг в каждой комнате ОКБ кто-то брал ручку, бумагу, составлял список тех, кто идет в поход, сочинял меню

на два дня, делал раскладку продуктов, после чего каждый знал, что он покупает и несет в своем рюкзаке. Руководители туристского движения выделяли пару ребят, которые ехали в поля-леса выбирать поляну. А в пятницу после работы надевали рюкзаки и отправлялись на вокзал.

Все знали, на какой электричке, в каком вагоне собираются туристы, и вся толпа, веселая, поющая, гомонящая, заполняла его целиком. Почему-то считалось обычным делом ехать без билетов. Контролеры проходили сквозь наш вагон, улыбаясь, и никого не проверяли. У многих гитары, всю дорогу песни. От конечной станции до выбранной поляны чаще всего нужно было идти несколько километров.

Огромная толпа туристов выстраивалась в цепочку и направлялась за ведущим в леса-поля и горы. Когда добирались до места, командующий (часто это был Вася Некипелов) первым делом направлял всех собирать хворост для костра. Сначала я возмущалась и говорила, что надо сначала ставить палатки, а потом собирать хворост, но я была совершенно не права и понимала это буквально через полчаса. Палатки можно ставить и при свете костра, а вот собирать хворост в темноте невозможно. Темнело достаточно быстро, костровые зажигали большой общий костер, от него было много света и тепла. Ужинали сухим пайком, потом садились вокруг костра и начинали петь. И длилась эта благодать долго. Я и сейчас вижу этот костер, сидящих на траве людей, плотно сомкнутый круг — плечо к плечу.

Утром народ разбивался по отделам, разводили костры, дежурные варили еду. Если это был заводской турслет, то начинались всякие соревнования. Играли в волейбол, бегали, прыгали, ставили палатки на время, переправлялись через овраги, носили «раненых». Каждый цех готовил праздничный обед из многих блюд, умудрялись приготовить что-то совсем не походное, даже блины стряпали, и это — на костре!

Потом комиссия обходила все команды. Снимали пробу, учитывалось все — посуда, приветствие, способ подачи блюд. Потом объявляли результаты. А ближе к вечеру каждый цех готовил какой-нибудь сюрприз — номер самодеятельности. Общие результаты подсчитывались, определялся победитель, который получал солидный приз: что-нибудь походное. Я однажды входила в состав такой комиссии. И помню, как победила команда, которая удивила всех: на возвышении стояла статуя, закрытая покрывалом. Комиссия участвовала в открытии «памятника»: сняли покрывало, а там на пеньке стоит парень в плавках, в руках у которого картонная раскрашенная рыба. Памятник назывался «Мальчик с простипомой».

Обычно по понедельникам «уставшие, но отдохнувшие» туристы приходили на работу сонными и неразговорчивыми. В 10 часов начиналось чаепитие и «разбор полетов». Как всегда, кто-то был чем-то недоволен, вспоминая выходные на природе. То комары заели, то спали плохо, то еда была не очень, то судили несправедливо, то проиграли в соревнованиях, то рюкзак был слишком тяжелый. И следовали выводы — больше в поход не пойду (не пойдем), а просидим в городе, ходим в кино, выпьемся, наконец.

Но все эти разговоры — только по понедельникам. Остальные дни недели про турслеты не говорили вообще! Как будто их не было никогда и нигде!

Далее смотри начало главы: «К концу рабочего дня в четверг в каждой комнате кто-то брал ручку, бумагу...» И так все лето, с весны до поздней осени!

Я хорошо помню, как 9 мая мы возвращались с поляны очередного турслета, посвященного на сей раз Дню Победы. Накануне было тепло, настоящая весна! Шли через лес по высокой траве до пояса, стараясь не топтать огоньки, которые почти сплошным ковром ярко горели среди свежей зелени. А с неба на нас и это оранжевое чудо медленно опускались крупные снежинки. Так и запечатлелось в памяти — зелень травы, оранжевые огоньки и белые снежинки-бабочки... Такое сочетание могло быть только в нашей Сибири.

Мой выход

Утром проходишь через проходную завода, а из репродукторов над всей территорией звучат бодрые песни советских композиторов. И под эти веселые звуки доходишь до своего корпуса. Ровно в 8 музыка прекращалась, начиналась работа. Народ посмеивался, потому что каждое утро повторялись одни и те же песни.

Еще одним из предметов наших насмешек был такой факт: в рабочее время два раза в день в корпусе раздавался звонок на десятиминутный перерыв, во время которого можно было легально попить чаю и перекусить. В это время в комнате часто появлялась уборщица со шваброй. Но люди сидели и пили чай, приходилось же бросать чаепитие и выходить в коридор. И каждый раз все думали — удастся ли попить чай без уборщицы?

И вот на одном из выступлений команды ОКБ во время очередного смотра художественной самодеятельности мы никак не могли придумать, как нам соединить номера. И я предложила идею — пустить одну из тех песен, которая набила оскомину, и связать это с маневрами уборщиц. На меня надели темно-синий халат, я взяла швабру с тряпкой. Номер закончился, зазвучала надоевшая всем песня, и я вышла из одной кулисы правым боком к залу, двигаясь спиной к другой кулисе. При этом я энергично двигала шваброй в такт музыке, акцентируя движением ударные моменты в песне. Раздался хохот в зале. Я невозмутимо отступала к противоположной кулисе. Связка получилась, и, как оказалось, очень смешно!

А что я действительно когда-то буду работать уборщицей, никто не мог и подумать...

Алма-Ата

Профсоюз ОКБ часто выделял нам путевки выходного дня в разные города. Так мой муж попал в Ереван, в Прибалтику, а я побывала в Алма-Ате. Летели в самолете, была зима, холодно. Заселились в гостиницу,

потом экскурсии: по городу, на известный каток Медео, прокатились по канатной дорожке.

В центре города стоит памятник Абаю, про него рассказывали, что наши альпинисты, возвращаясь с гор, всегда после банкетов залезали на Абая и надевали ему на голову тазик. К этому уже привыкли, утром тазик привычно снимали милиционеры.

Вечером собрались в гостинице у кого-то в номере, хотели посидеть и попеть. Но тут Ольга, наш комсомольский лидер, стала тащить всех в ресторан. Я не хотела идти, так как была в теплом свитере, для ресторана одежда была явно не подходящей. Но она меня сильно уговаривала, да и все ребята кричали, что как же петь без меня. Ну, пришлось идти.

Помню огромный зал с таким высоким потолком, что дух захватывало. Сели за стол, народ танцевал под живой оркестр. Когда оркестранты отдыхали, начинали петь мы. Но вот оркестр закончил свою работу, попрощался и покинул сцену. Тут настало наше время. Мы продолжали петь, а народ стал танцевать. Когда песня закачивалась, нам аплодировали и рассаживались, но не расходились.

В это время начинала завоевывать популярность песня Анны Герман «Один раз в год сады цветут». Мы уже знали мелодию и слова припева, но всех слов не знали. Запели первый куплет, люди начали танцевать, а мы снова начали повторять первый куплет. Я сидела спиной к залу. И вдруг кто-то подошел сзади — вижу руку, которая кладет прямо передо мной лист бумаги, а на ней — полный текст этой песни, только что написанный от руки! Первый куплет как раз заканчивался, и я автоматически начала петь второй куплет. Все подхватили! Мы спели всю песню — танцевал весь ресторан! Когда мы закончили, начали аплодировать и кричать «бис!» и «браво!». Почему-то это так запомнилось — какое-то единение поющих за столом друзей и танцующего зала...

Призма

В Питере мне довелось побывать два раза. И оба — командировки в ЛОМО. Первый раз я летала туда за призмой для ИКС-14. Она вышла из строя, мы написали письмо-заказ на получение новой. Пришел ответ, что можно приезжать, но жильем не обеспечат. В Питере в это время жила моя подруга Клара, которая училась в аспирантуре Политехнического института. Она и обещала меня приютить. Правда, чужих в общежитие аспирантов не селили, но она говорила, что сможет уломать вахтершу.

В ЛОМО мне выписали пропуск, за мной пришел провожатый по территории, и мы пошли в нужный корпус. Там — переодевание в белые халаты, тапочки, идем по этажу с оптическими лабораториями. В коридоре — стеклянные стены, между комнатами тоже прозрачные перегородки. Всё и всех видно, никуда не спрятаться. Меня привели в комнату к начальнику. Он посмотрел мои документы и говорит:

— А где ваша доверенность?

— Какая доверенность?

— На получение оптики.

— У меня ее нет!

— Без доверенности ничего не выдадим!

Я помчалась на переговорный пункт, позвонила в ОКБ и рассказала про доверенность. Начальник меня пожурил, что не взяла ее сразу, но я же понятия не имела, что она нужна. В общем, доверенность я получила телеграфом на следующий день.

И вот опять иду по знакомым коридорам. Захожу в нужный отсек. Встречает меня женщина средних лет, смотрит письмо ЛОМО, в котором черным по белому написано, что призма из хлористого натрия для Новосибирска готова, приезжайте, ждем-с! Однако говорит она мне, мило улыбаясь: призмы нет! При этом открывает по очереди несколько эксикаторов (такие круглые матовые емкости с притертыми крышками, в которых хранят соляную оптику):

— Вот это — призма для Саратова, эта — для Иркутска! А для вас ничего нет!

Я в шоке! Как нет? А что мне делать? Ждать? Но я же в командировке! Я ухожу в тоске — что делать? Все улыбаются и ничего не объясняют. Приезжаю к Кларе, рассказываю ей про эту дурацкую ситуацию, а она мне говорит:

— Надо дать ей взятку!

— Как взятку? Это же не мне лично, а для предприятия! Они же сами обещали, что все готово и можно приехать!

— Ты не понимаешь! Здесь так принято! Надо ей дать хотя бы шоколадку!

Я все никак не могу с этим согласиться, мы спорим, Клара меня убеждает, так как она уже пожила в столичном городе и знает, что так везде — и в кафе, и в парикмахерских, да и в ЛОМО то же самое!

— Но я не умею! Как это — дать взятку?

— А вот так! Мило улыбнешься и дашь!

— Но там все стены стеклянные, увидят! И как я туда протащу шоколадку? Это же вакуумная гигиена! Все личные вещи остаются в кабинках в раздевалке!

— Придумай как!

В понедельник я купила большую шоколадку и три огромные ромашки, в диаметре — с кофейное блюдце. Видела такие в первый раз. Надо было придумать, как протащить их внутрь. Но я смогла это сделать, мы и у себя на работе протаскивали под халатами все то, что не разрешалось.

Когда я вошла в комнату с призмами, та женщина по-прежнему улыбалась мне, но отрицательно качала головой на мой немой вопрос. Призмы для меня не было! Тогда я встала так, чтобы заслонить ее от посторонних глаз, вынула из-под халата ромашки, положила их на стол и накрыла салфеткой. Она расширила глаза от удивления, а я вынула шоколад и положила на край стола со словами:

— Это вам!

Она моментально накрыла шоколад ладонью и быстро опустила его в карман своего халата, одновременно говоря:

— Ой, ну что вы, что вы!

Все произошло очень быстро, мгновенно! После этого ее лицо осветилось лучезарной улыбкой, она подвела меня к тому эксикатору, в котором, по ее словам, лежала призма для Иркутска, открыла его и сказала:

— За ней еще не приехали, поэтому я отдаю ее вам!

Вот так я получила нужную мне призму.

Но мне еще были нужны силитовые стержни — это источники излучения для моего прибора. Они из кремния, маленькие, похожие на карандаши. Мне нужно было идти в другое здание — склад. Вышла на территорию завода и изумилась. Она была огромной! Идти надо очень далеко. Но вдруг увидела трамвай, который шел прямо на меня. Я была удивлена, надо же — трамвай на территории завода! Но оказалось, что на нем можно подъехать ближе к нужному мне складу, что я и сделала.

Клара меня проводила и уехала. А я застряла в Пулковке на сутки — рейсы отменили, пришлось ночевать прямо в кресле большого зала. Контейнер с призмой никуда не влезал, в камеру хранения сдать его побоялась, пришлось носить с собой. Я дала телеграмму в ОКБ о задержке. Мне удалось убедить работников аэропорта, что металлический серый контейнер открывать нельзя и что это — не бомба. Тогда еще не было такой тотальной проверки в аэропортах.

Москва. Новодевичье и Ваганьковское

Не помню точно год, но первый раз на Новодевичьем кладбище я была совсем еще молодой, незамужней, со мной никого не было, никто не мешал. Я с юности хотела сюда попасть и найти могилы тех людей, которые меня поразили: Зои Космодемьянской, например. Книгу о Зое и Шуре я перечитывала многократно.

В то время вход на кладбище был свободный. Где расположена могила Зои, я не знала, поэтому стала прочесывать ряды, начиная с правой стороны. Неожиданно для себя наткнулась на стелу из белого мрамора на могиле Надежды Аллилуевой. Я вспомнила, что отец рассказывал про этот памятник, он говорил, что верх стелы украшала изящная акkuratная головка. Но ее не было, могу поклясться!

Потом я увидела плиту на могиле Дмитрия Ульянова, Марии Андреевой, могилу Маяковского, Собинова. Удивило огромное количество давних захоронений маленьких детей. Я шла и шла, а могилы Зои все не было. На кладбище пусто. Но вдруг я увидела пожилую женщину, которая подметала листья на старой могиле. К ней я и обратилась с вопросом: как мне найти могилу Зои Космодемьянской? Услышав мой вопрос, она разогнулась, опустила веник и посмотрела на меня с *таким* сожалением и даже пренебрежением, что я опешила. Долго молчала, глядя на меня, потом показала направление. Я пошла, ощущая на себе ее осуждающий взгляд. До сих пор не знаю, почему она так смотрела.

Ну вот она, Зоя, а рядом, через дорожку, Шура, все, как написано в книжке. Детская мечта сбылась.

Сейчас смотрела в интернете могилы знаменитостей на Новодевичьем и ужасалась! Могилы просто друг на друге! Негде ступить! И везде фигуры в полный рост, в разных позах. И все это напоказ, как у цыган. Мне кажется, что достаточно хорошей фотографии, профиля на камне, какого-то выразительного символа...

Закончить книгу...

Никак не поставлю последнюю точку:
мне кажется — главное я не сказала.
Пока по страницам брела в одиночку,
мой поезд с родными ушел от вокзала.
Остались в альбомах семейные снимки,
прикрытые тонким сиреневым флёром,
игрушки на елке, смешные картинки
и пение птиц громче всех разговоров.
И можно еще вспоминать бесконечно,
как дети выросли и дом покидали,
но время торопит и память не вечна...
Начать бы сначала... Успею? Едва ли...

